

Солдат ветеринарных войск

Дедушка Никиша (так звали внуки Никифора Григорьевича Шабеева) никогда не рассказывал о войне. На просьбы детей хоть капельку поведать, как бил фашистов, отмалчивался или просто уходил. Фильмы о войне старался не смотреть. Когда на экране мчались конники под пулемётным огнём и падали замертво под копыта, а сами кони по инерции продолжали свой бег и раненые валялись на землю, дед начинал нервничать, суетиться и, уйдя на крыльцо, долго курил, пытаясь успокоиться. Следом за ним выходила жена Евдокия, она-то хорошо знала, чем взволнован муж. Они долго сидели вдвоём, вспоминая прожитое.

Никифор всю жизнь работал ветеринаром. Кони были его слабостью. Любил их безмерно, ласкал, гладил, холил, никогда не бил кнутом, лишнюю корочку припасал, чтобы скормить скакуну.

Вид животного, больного или сражённого пулей, приносил ему страдание. Евдокия порой упрекала его, что животных любит больше, чем детей. Но это было неправдой. Сам он, потомственный крестьянин из многодетной семьи (был седьмым ребёнком), «последышкой» называла его мать. В селе Широкое Пензенской губернии нашёл свою половину. Евдокия из зажиточной «кулацкой» семьи, очень пострадала во время раскулачивания, всех братьев сослали далеко на север, на берег Баренцева моря. Она же осталась с престарелыми родителями, что называется, в чистом поле. Никифор давно поглядывал на дивчину, а тут посватался. Пошли дети, седьмую дочку Зину он увидел уже после войны.

В армию призвали его не сразу, до 1942 года он с рассвета до заката трудился на колхозном поле, а вечерами лечил скотину, спешил помочь односельчанам справиться с домашними животными. Мужиков на всё село осталось только трое, причём один из них «невладелый» инвалид. Никогда никому не отказал Никифор в помощи. Душа не позволяла отмахнуться, сказать грубое слово. Не мог обидеть. Сердечность, терпение и доброту ценили в нём бабы. Завидовали Евдокии: «Такого мужика отхватила!». Завидовать пришлось недолго, в начале 1942 года пришла повестка, и под плач жены, детей и односельчанок отправился тридцатишестилетний призывник на фронт. Правда, на передовую попал не сразу. Почти полгода учили его премудрости ветеринарной службы в условиях военных действий.

Где он служил, на каких фронтах его ранило, в каком госпитале долго лечили, спасая обмороженные ноги, солдат, а потом сержант военно-ветеринарных войск Никифор Григорьевич домой не писал. В треугольниках с фронта обычные строки. Воюет, жив-здоров, бьёт фашистов. «Не волнуйся, Дуся, береги себя и детей».

Может, о путях-дорогах фронтовых семья так бы и не узнала, если бы не случай. Спустя четверть века после войны приехал в гости к ветерану сват, тоже прошедший военными дорогами целых шесть лет. За рюмочкой разговорились, было о чём поговорить: сколько прожито, пройдено.

Никифор Григорьевич рассказал гостю, как лечили в спецлазаретах лошадей, тысячи

возвращали в солдатский строй. Но «таяли» они в боях от пуль и снарядов. Под Ленинградом, например, каждая пятая лошадь была ранена или убита.

- А ведь везде были нужны, во всех боевых соединениях: в кавалерии, в артиллерии - снаряды подвозить, в тылу как гужевого транспорт в весеннюю и осеннюю распутицу, - погибал пальцы хозяин.

Он служил в эвакуационных пунктах в трудных условиях. До двухсот лошадей, раненых и больных, в каждом лазарете. Одних удавалось выходить, других – на убой. Третьих, здоровых, надо было отсортировать для кавалерии, для новых частей, чтобы никаких болезней, пороков не пропустить, подковать, кастрировать.

Сколько надо было знать, чтобы не допустить эпидемии, чахотки!

Ветеринары работали совсем без отдыха. Сам он до ста лошадей в строй вернул.

Однажды под Ленинградом после боя пытался помочь лошади из болотистого озера выбраться, да сам увяз. Спасли ребята, вытащили, но ноги обморозил и всю жизнь оставшуюся мучился от боли.

Под Воронежем был ранен в плечо, долго лежал в госпитале. Потом снова на фронт.

Носило его по военным дорогам, перестрадал, пережил и всё-таки выжил.

Победный сорок пятый, а потом и сорок шестой служил он в Германии. Миссия такая была определена ветеринарным соединениям: пополнить конный состав за счёт немецких ферм. Они обходили хутора, осматривали лошадей, изымали их для советских войск. Насмотрелся тогда Никифор на их хозяйства, такой чистоты, таких припасов он и во сне не видел. Один случай запал ему в душу. Приехали на хутор, хозяин выводит хромящую лошадь, жестами показывает, что, мол, заболела. Намётанным глазом ветеринар увидел, что дело тут нечисто. Посмотрел, видит - гвоздь вбит в копыто совсем недавно. Пожилой хозяин на колени упал, знал он, что за саботаж - расстрел. Выскочила его фрау, за ней ребятишки малые плачут. Дрогнуло сердце солдата, вытащил гвоздь, повернулся и ушёл. Вся семья за ним бежала, что-то кричала вслед, он не разобрал. Понимал, что приказ нарушил, но по-другому не смог...

Домой вернулся в конце 1946 года. Родное село Широкое выживало на подножном корму, детишки худющие, некоторые опухли от голода. Постаревшие бабы из последних сил спасали их. Два мужика на весь колхоз. Начался у солдата «второй фронт» на земле родимой.

С бабами и подростками детишками поднимали они родные поля. Вместо денег - трудодни. Ребят надо в чём-то в школу проводить, да с собой кусок хлеба и картошку дать, а купить не на что. Но выдержали, выстояли, ни один пацан в селе не умер.

В начале пятидесятых подались с огромной роднёй на Волгу, на строительство ГЭС. Здесь, в Жигулёвске, и осели. Надолго, навсегда. Купили домик на Александровском Поле, достроили, обиходили. Повзрослевшие дети устроились на работу, поженились. Выросло новое поколение, пошли внуки и правнуки.

Сам Никифор Григорьевич работал на ГЭС, был он отличным плотником, делал мебель для дома, да так аккуратно, что соседи замучили просьбами: и им такое же нужно.

Не забыл дело своей жизни - лечение животных. Если нужна была помощь скотине - бежали за ним: помоги деда Никиша! И ведь шёл безотказно в любую погоду на самую окраину Александровского Поля. Была в нём огромная сила притяжения. Какое-то невероятное всепрощение, сочувствие и понимание чужого горя, стремление помочь всем и всегда.

Ни один из многочисленных внуков не припомнил, чтобы дед крикнул на них, стегнул

прутиком. Он любил их, и они платили ему тем же.

Умер он рано от старых ран. Обмороженные на фронте ноги пришлось ампутировать.

Боли и страданий претерпел без меры, но никто из близких не слышал жалоб, громких стонов: он не хотел тревожить тех, кто был рядом.

На похороны собралось очень много народу. Люди испытывали чувство невосполнимой потери.

Память о нём жива, ведь у Никифора Григорьевича Шабаяева растут, множатся новые поколения. Сорок шесть внуков, правнуков и праправнуков. Есть среди них депутаты, юристы, инженеры, руководители производств, учителя, работники торговли и транспорта. Подавляющее большинство живёт в Самарской губернии, в Жигулёвске. Когда большая родня собирается, младшим показывают портрет деда и рассказывают о нём, солдате Великой Отечественной. Чтобы помнили!

И. ПЕРЕСВЕТОВА